

Алексей Попович

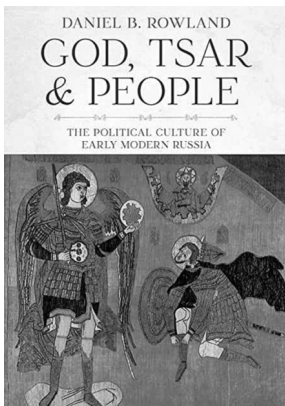
На пути к истории политической культуры России раннего Нового времени

DOI: 10.53953/08696365_2023_179_1_347

Rowland D.B. God, Tsar, and People: The Political Culture of Early Modern Russia.

Ithaca; L.: Northern Illinois University Press, 2020. — XXII, 397 p. —
(NIU Series in Slavic, East European, and Eurasian Studies).

Сборник статей американского историка Дэниела Роуланда «Бог, царь и народ: политическая культура России раннего Нового времени» является сравнительно редким примером историко-культурного подхода к исследованию идейной атмосферы в Московской Руси XVI — первой половины XVII в. Автор не ставил перед собой задачу воссоздания становления и борьбы политических институций, он практически не оперирует категориями социальной истории и даже не занимается интеллектуальной историей в ее классическом понимании. Сознательно отказываясь от обращения к многочисленным делопроизводственным документам и законодательным актам, Роуланд интерпретирует памятники книжности, изобразительного искусства и архитектуры, формулируя ключевые политические идеи эпохи, выявляя каналы распространения и закономерности рецепции этих идей, характеризуя политических субъектов и их цели.

Прежде чем перейти к идеям книги, необходимо уделить внимание ее формальной стороне — происхождению, на котором в своем предисловии останавливается американский историк-русист Р.Е. Мартин. Вслед за экс-редактором журнала «American Historical Review» Р. Шнайдером он говорит о том, что жанр научной статьи хорошо приспособлен для воплощения смелых идей, «новаторства и смены парадигмы» (pathbreaking and paradigm-shifting) (с. XV). Исключительно такие статьи, по мнению Мартина, и составили рецензируемое издание.

Помимо собственно исследовательских статей, в книгу вошли эссе и энциклопедические статьи, написанные и опубликованные Роуландом за полвека.

Автор подчеркивает, что сопротивлялся искушению пересмотреть ранние работы (с. XIII). Изменения при перепечатке уже опубликованных работ коснулись только технического оформления текста.

Исследователи нередко сталкиваются с соблазном опубликовать монографию, собрав ее из давно написанных статей. У разных авторов это получается по-разному, однако бывают и по-настоящему удачные примеры, как книга Роуланда. Работы, из которых она состоит, расположены в порядке их создания, лишь некоторые разделы находятся «не на своем месте», в остальном читателю предоставлена возможность проследить эволюцию идей как самого Роуланда, так и американской исторической русистики.

В какой мере книга решила те задачи, которые ставил перед собой на протяжении большей части жизни ее автор?

Книга состоит из трех разделов: «Текстуальное: взламывая код», «Добавляя визуальное: исследование искусства и архитектуры», «Подводя итоги: что означает наша работа». В третьем разделе суммируются выводы многолетних размышлений, а его заключительная глава написана специально для данной книги и ранее не публиковалась. Забегая вперед, скажем, что к концу книги автор задает все больше вопросов, а ответов дает еще меньше, чем в начале.

Поскольку большинство идей, содержащихся в книге, были сформулированы автором несколько десятков лет назад, а ряд статей успели стать классикой американской исторической русистики¹, нет нужды подвергать подробному разбору отдельные главы монографии. Гораздо важнее рассмотреть ее как целостную систему идей о политической культуре России раннего Нового времени и понять, каким образом триада, которую автор вынес в заглавие своей книги, — Бог, царь и народ — фактически становится ключом к постижению столь многомерного явления.

Историк и источник: барьеры «политических языков»

В открывающей книгу главе «Курбский и историки», являющейся по сути и первой серьезной научной работой Роуланда, он выступает историком-ревизионистом, призывая к преодолению «непонимания между историком и его источником, когда и тот и другой употребляют одни и те же слова, но имеют в виду разные вещи» (с. 19). Стремление «получить некоторое представление о том, как думали люди, написавшие эти документы, особенно о политике» (там же), стало программным для всего научного творчества Роуланда.

Автор подчеркивает: исследователю раннеמודерной политической культуры необходимо помнить, что привычный для нас политический словарный запас не был востребован человеком Московской Руси, не входил в набор его представлений о мире. Роулэнд отмечает, что западным историкам особенно свойственно сверяться со свидетельствами о Московии иностранцев, «чей словарный запас и инструменты анализа были так похожи на наши собственные», «они говорили на политическом языке, похожем на наш, задавали (и отвечали на) вопросы, подобные тем, что задают современные историки» (с. 367). В России не было политической культуры в том виде, в каком она была в западноевропейских странах, а сами термины «государство» и «суверен», которые после эпохи Возрождения в Европе обозначали «автономные политические системы», вводят нас в заблуждение (с. 368). Не было и «гражданского общества»: как показал М.М. Кром, «рождение государства» осуществилось ко второй половине XVI в., а общество скорее выросло из него, не будучи ему противопоставлено².

Опираясь на влиятельную историографическую концепцию секуляризации русской культуры к концу XVII в.³, Роулэнд сетует на то, что политическая пробле-

1 Речь идет о таких работах Роуланда, как: *The Problem of Advice in Muscovite Tales about the Time of Troubles* // *Russian History*. 1979. Vol. 6. № 2. P. 259–283; *Did Muscovite Literary Ideology Place Limits on the Power of the Tsar (1540s–1660s)?* // *The Russian Review*. 1990. Vol. 49. № 2. P. 125–155; *Moscow — The Third Rome or the New Israel?* // *The Russian Review*. 1996. Vol. 55. № 4. P. 591–614.

2 См.: *Кром М.М. Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков*. М., 2018. С. 235.

3 Критику этой концепции см., например, в работе: *Сукина Л.Б. Поздняя осень русского Средневековья: очерки культурной истории Московского государства (XVI–XVII вв.)*. М.; СПб., 2021.

матика, о которой и так приходится говорить с большой натяжкой, на Руси не имела «последовательного светского решения» (с. 29) — едва ли не единственным признаваемым в это время средством выражения политических идей был комплекс христианских представлений о мире, человеке и истории. «Политический язык» России раннего Нового времени основан на религиозной культуре: события настоящего человек интерпретировал через библейские события, подразумевая неизменность воздействующих на них факторов, то есть видя в них «намерение Бога» (с. 162). В связи с этим институциональный подход к исследованию российской политической культуры XVI—XVII вв., по мысли автора, оказывается невозможным, а борьба партий и идеологий — грубая экстраполяция историков, отказывающихся принимать во внимание категории, предлагаемые самими источниками. История политической культуры России раннего Нового времени, таким образом, нуждалась во введении «дополнительных переменных» — идей, релевантных для исследуемой эпохи.

«Россия управляется непосредственно Господом Богом»?

Роулэнд напоминает о значимости апокалиптического измерения для «исторического воображения» Руси (с. 135). Эсхатологические ожидания и персональная ответственность человека за совершенные грехи практически исключали критику институтов богопоставленной власти или сколь-либо ведущую роль в идейных столкновениях социальных, экономических и даже политических факторов (с. 31). Ответственность при этом могла быть как личной, так и коллективной, что, в частности, отражено во многих произведениях о Смутном времени⁴ (с. 35).

Определяющий характер имела фигура Бога, а идеальное политическое устройство было сформулировано задолго до московских правителей в библейской истории: «Считалось, что правитель получает свою политическую власть непосредственно от Бога. Русские видели свое государство как некую реинкарнацию древнего государства Израиля, направляемого и защищенного Богом до тех пор, пока люди сохраняют свою веру в Бога. Представление русских о царе напоминало их представление о самом Боге: суровом, но милосердном правителе, чье отношение к своим подданным было по существу личным» (с. 316). Суждение Роулэнда о том, что «как только мы убираем Бога и Его отношения с царем и подданным, мы остаемся вообще без какого-либо связного набора идей» (с. 69), более чем справедливо.

Но могло ли в таком случае в России раннего Нового времени быть несколько наборов политических представлений? Повести о Смутном времени, к которым обращается автор, демонстрируют, что «в грамотном русском обществе не было существенных разногласий по поводу природы государства и того, как им следует управлять» (с. 72). Однако так ли нуждаются политические дискурсы в активно выражающихся разногласиях? Уже в первой своей работе Роулэнд ставит, хотя и не развивает, вопрос о «терпимости» (*sufferance*) (вопреки концепциям борьбы и конфликта) как модели отношений аристократии и московских правителей (с. 12).

Означает ли это, что Московская Русь была запрограммирована быть деспотическим государством со всепроникающей идеологией, не допускающей разнообразия идей? Автор книги демонстрирует, что подобная постановка вопроса оши-

4 Смута — ключевой исторический период в исследованиях Д. Роулэнда. См. также его диссертацию: *Rowland D. Muscovite Political Attitudes as Reflected in Early Seventeenth Century Tales about the Time of Troubles*: PhD Diss. Yale University, 1976.

бочна⁵. Внутри этой идеологии существовали комплексы идей, ограничивающие власть царя, эти ограничения были осознаны и приняты большинством грамотных людей (с. 83). Эту функцию выполняли советники (не обязательно формально выделенные в государственной структуре) как канал, по которому воля Бога могла быть доведена даже до несправедного царя, эти люди должны были возратить заблуждающегося царя к благочестию (с. 41, 68). Советы «рассматривались как проявление Божьей воли, а не как выражение народной воли, которая сама по себе была легитимной» (с. 309). Власть царя, таким образом, сдерживалась ответственностью перед народом за следование Божьей воле, прежде всего, как показал Роулэнд, за сохранение чистоты православия: невыполнение царем определенных обязательств меняло отношение к нему, его праведность (ключевое условие легитимности) подвергалась сомнению, вплоть до того, что его можно было назвать мучителем. И в то же время «было трудно критиковать политику правителя, не критикуя его личное благочестие и мудрость» (с. 308) — дискуссия непосредственно на политических основаниях пока была невозможна. На материалах Лицевого летописного свода Роулэнд показывает, что тема совета и советников не затухает даже в период после опричнины, объясняя это диссидентством его составителей (с. 280), но почему-то не ставя вопрос о подспудно проводимой идее одобрения советниками опричного террора, в котором многие современники Ивана IV видели воплощение воли Бога⁶. Нередки были и злые советники, обвинявшиеся в бедах, случившихся с Россией, особенно в Смутное время⁷.

Визуальное и текстуальное: единство «двух культур»

Говоря о народе как о политическом субъекте, способном использовать политические идеи для объяснения актуальных событий, Роулэнд имеет в виду грамотную часть русского общества. Наиболее органичными сферами такого использования были литература, изобразительное искусство и архитектура. Автора интересует воплощение в них «идеологии как символического языка, выражающего политические отношения» (с. 87).

«Воспринимали ли всерьез или хотя бы понимали ли эти образы несгибаемые воины Московии?» (с. 151), — задается вопросом Роулэнд и не находит однозначного ответа. Он неоднократно отмечает, что в обществе было очень мало грамотных людей и познакомиться с теми или иными политическими идеями через книги могли очень немногие. Гораздо шире был круг тех, кто сталкивался с визуальными образами, на которые автор в основном и возлагает надежды: «Могли ли изобразительные средства, включая не только живопись, но и архитектуру, причудить неграмотных придворных к основным постулатам православной политической культуры, выработанным в грамотных и сравнительно образованных кругах церковной иерархии?» (с. 212).

Визуальное не только дополняет текстуальное, но и замещает его там, где это необходимо. Роулэнду удалось убедительно показать, что значительная часть лю-

5 Отрицательные ответы на эти вопросы дает и Н.Ш. Коллманн, исследовавшая практику применения уголовного права в России, см.: *Коллманн Н.Ш.* Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М., 2016.

6 Эти проблемы затронуты в работе: *Бульчев А.А.* Между святыми и демонами: заметки о посмертной судьбе опальных царя Ивана Грозного. М., 2005.

7 Подробнее об идейной атмосфере этой эпохи см.: *Антонов Д.И.* Цари и самозванцы: борьба идей в России Смутного времени. М., 2019.

дей придворного круга, в основном через изобразительное искусство, могла усвоить такие идеи, как «(1) происхождение политической власти от Бога, (2) защита Руси Богородицей, (3) значение рода правителя, (4) Божье покровительство московскому войску и его роль в священной истории, (5) надлежащий порядок в царстве, (6) благочестие и нравственное поведение царя и (7) советы и отношение правителя с его придворными» (с. 218). Подданные государя воспринимали свою роль как «важную часть Божьего плана» и через советников могли противодействовать царю, если это потребуется (с. 230). Интерпретационные способности людей того времени вызывают, однако, некоторые сомнения. Можно ли утверждать, что человек, не знакомый с письменной православной традицией, обязательно будет компетентен в толковании изобразительных сюжетов?

Стремясь обнаружить каналы широкого распространения политических идей, разрабатывавшихся, казалось бы, узким церковным кругом, автор развенчивает концепцию двух культур⁸ (церковной и мирской), предложенную Э. Кинаном, утверждавшим, что церковная культура не располагала тем влиянием на общество, которое ей часто приписывается⁹. В более ранней работе Роулэнд отмечал, что значимость этих идей за пределами церковного круга проверяется прежде всего их ролью во внешне- и внутривластных решениях (с. 157). Позднее он задал более сложный мировоззренческий вопрос о «русской душе» и назвал «неославянофильским» предположение о том, что «все русские были сведущими и преданными православными христианами и что методы интерпретации православной культуры любого времени и места могут быть применены к пониманию свидетельств Московской Руси» (с. 213).

Это распространенное заблуждение имеет непосредственное отношение к определению специфики политической культуры Московской Руси. Действительно, интерпретаторы искусства способны объяснить любые символы и закономерности их сочетаний, выявить общий смысл отдельных произведений и целых ансамблей. Но можем ли мы сказать, какие именно смыслы «могли быть обнаружены в этих росписях конкретной аудиторией» (с. 212), «какие политические послания мог извлечь типичный придворный» из неоднократных визитов в Золотую палату Кремля (с. 218)? Это противоречие могло бы быть снято, если бы Роулэнд исследовал рецепцию конкретных политических идей из конкретных памятников культуры: «Для того чтобы понять зрительский опыт аудитории, историк должен попытаться понять социально детерминированные ценности, заботы и вопросы, которые конкретная аудитория приносила в образ, поскольку эти ожидания составляли дополнение к картине, становились частью этого опыта» (с. 229).

Рецепция той или иной идеи является лучшим доказательством ее значимости в определенные периоды. Так, Роулэнд идет по собственному пути в переоценке важности концепции «Москва — Третий Рим» для Руси раннего Нового времени, пытаясь обосновать превосходство и недооцененность другой идеи — Московии/Руси как Нового Израиля. Располагая бесчисленными примерами использования в русских памятниках соответствующих библейских образов/тем/мотивов, автор справедливо сетует на их «обилие и относительную бесформенность» (с. 159).

8 Статья, посвященная этой проблеме, является единственной переведенной на русский язык работой автора: *Роулэнд Д.* Две культуры — один тронный зал // Древнерусское искусство. Русское искусство Позднего Средневековья: XVI век / Отв. ред. А.Л. Баталов. СПб., 2003. С. 188—201.

9 *Keenan E.L.* The Kurbskii-Groznyi Apocrypha: The Seventeenth-Century Genesis of the "Correspondence" Attributed to Prince A.M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Cambridge, MA, 1971. P. 53—54.

Например, он видит ориентацию на ветхозаветный Израиль в восприятии истории как череды наказаний и наград, ниспосланных Богом (с. 161); в характеристике русского народа как «нового избранного народа» (с. 163); в московской архитектуре при Борисе Годунове (с. 204) и патриархе Никоне (с. 171) и т.д. Роулэнд полагает, что, в отличие от концепции «Москва — Третий Рим», идея Нового Израиля предполагала «не претензию на вселенскую империю и стремление править миром, а ощущение нахождения под особой Божественной защитой» (с. 177).

Предположение о существенном влиянии этого комплекса идей на идентичность человека раннего Нового времени, на его представления об историческом пути России проиллюстрировано, но не доказано, не случайно отказ от этих идей оказался чрезвычайно стремительным¹⁰. «Какие истории рассказывались русскими раннего Нового времени о своем государстве, о том, почему оно существует и почему заслуживает их верности? Какое видение или видения имели они о себе как о политическом субъекте? Какие события они видели в истории и какую роль отводили себе?» (с. 128) — вопрошает Роулэнд, предлагая в качестве одного из ответов довольно умозрительную концепцию «Нового Израиля», видимо, не имевшую в свое время возможности стать цельной идеологией в силу разрозненности дискурсивных векторов¹¹. Наконец, почти в любой христианской национальной культуре можно усмотреть концепции из разряда «X — Новый Израиль», автор и сам это признает, приводя в пример использование этих идей пуританами Новой Англии, верившими в «национальный завет между Богом и Англией» (с. 178).

Как в Европе, или Типология в изоляции?

Сравнение российского и западноевропейского политико-культурного пространства не является основной задачей книги Роулэнда, но ему важно сформулировать определенные сходства и различия: «Русская идеология, таким образом, имеет корни, очень похожие на корни западноевропейской идеологии, и не является ни причудливой, ни экзотической в европейском контексте. В этом контексте сходства мы обсудили ряд важных различий. Почти все эти различия — в языке, в правовых понятиях, в литературных традициях, регулирующих обсуждение политики, в относительной силе церкви и государства — препятствовали тому, чтобы русские пошли по пути установления институциональных или конституционных ограничений власти монарха, по которому пошли некоторые западные страны» (с. 310). Автор отмечает, что, несмотря на отсутствие подобных закрепленных законом ограничений действий царя, системы критики власти и механизмов принуждения правителя подчиняться закону, русские люди в Смутное время добились в этой сфере некоторых успехов (с. 307). Роулэнд даже сравнивает эпоху Ивана Грозного с раннесредневековым временем — Каролингским возрождением, в которое также происходила систематизация политических идей, — создание, в частности, митрополитом Макарием «вселенной дискурса» (a universe of discourse): группы идей, выраженных общепонятным языком, который позволял людям понимать друг друга, когда они писали (и возможно, говорили) о том, что мы бы назвали “поли-

10 См., в частности: *Perrie M. Moscow in 1666: New Jerusalem, Third Rome, Third Apostasy // Quaestio Rossica. 2014. № 3. P. 75–85.*

11 Об этом справедливо говорит К.Ю. Ерусалимский в отношении концепции «Москва — Третий Рим»: *Ерусалимский К.Ю. Республика без республиканизма: дискурсы общего дела в Московской Руси // Res Publica: русский республиканизм от Средневековья до конца XX века / Под ред. К.А. Соловьева. М., 2021. С. 227.*

тическими делами”» (с. 302). Другой аргумент в пользу типологического сходства не выдерживает критики: Роулэнд говорит о «центральном значении Библии как первоисточника политических образов и аналогий» в российской политической культуре (с. 304). В какой христианской стране в эпоху Средневековья и даже раннего Нового времени Библия не имела центрального значения? К сожалению, из книги читатель не получает представления о «восточноевропейском» влиянии на российскую политическую культуру в XVI в., тогда как вывод К.Ю. Ерусалимского о том, что «российская эмиграция в Речи Посполитой быстро осваивала языки республиканского устройства и пользовалась всеми его благами, имея доступ к его политическим институтам»¹², позволяет говорить об активной циркуляции идей. Идеиные контакты обеспечивались и войнами с европейскими державами¹³.

Роулэнд справедливо пишет о том, что «отсутствие “республики ученых” (*Respublica literaria*) или хотя бы печатного станка, свободного от правительственного влияния, означало, что новаторские умы оставались изолированными, не оказывающими влияния на нынешнее и последующие поколения русских мыслителей» (с. 352). Мысль об отсутствии жанров для ведения политических дискуссий в Московской Руси не дает Роулэнду покоя на протяжении всей книги, хотя он и признает, что, «не имея литературной модели абстрактного политического теоретизирования, русские выражали свои политические идеи в самых разнообразных жанрах и формах, включая жития святых, летописи и другие исторические тексты; иконы, циклы настенных росписей и даже церковное строительство и другие виды архитектуры» (с. 316). Автор обходит стороной наиболее интересные памятники публицистики эпохи Ивана Грозного, в которых отразились острые политические дискуссии времени: переписку царя и Андрея Курбского, а также «Историю о великом князе Московском» Курбского. Роулэнд разделяет точку зрения Э. Кинана на то, что этот корпус текстов следует относить к XVII, а не к XVI в., и считает, что ряд выводов о политической культуре Московской Руси XVI в. ошибочно основывается на этих источниках (с. 3, примеч.)¹⁴. Обращение к текстам Грозного, насыщенным разговорной лексикой, например, позволяет оспорить вывод Роулэнда о том, что говорить о политике в Московской Руси можно было исключительно «литературным языком, совершенно отличным от обычного просторечия того времени», и что «политическая дискуссия велась в стилистически разреженной атмосфере, которая лингвистически изолировала ее от повседневной жизни» (с. 303). Стоит ли напоминать о бесчисленных полонизмах в русском языке?

Недостаточно внимания Роулэнд уделяет «культуре безмолвствующего большинства» и лишь в поздних работах мимоходом упоминает, что среди неграмотных людей идеи передавались и через тексты, предназначенные для чтения вслух (с. 329). Такие источники, как легенды, устная проповедь, тексты церковных обрядов, слухи, видения и т.д., по преимуществу сохранившиеся в XVII в., с успехом циркулировали без печатного станка и также содержали политические идеи.

12 Там же. С. 265.

13 Подробнее см.: *Филлюшкин А.И.* Изобретая первую войну России и Европы: балтийские войны второй половины XVI века глазами современников и потомков. СПб., 2013.

14 Видимо, именно по этой причине из поля зрения Роулэнда выпали такие важные работы, как: *Калугин В.В.* Андрей Курбский и Иван Грозный: теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя. М., 1998; *Каравашкин А.В.* Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский. М., 2000.

XVII в. представлял собой переходную эпоху. Появление политической философии (и политических дискуссий как таковых) в России автор связывает с учреждением патриаршества в 1589 г., благодаря чему здесь появились множество греков-ученых, а более тесные связи с Украиной как крупным центром православной учености в первой половине XVII в. обеспечили приток в Россию людей с европейским гуманистическим образованием (с. 349). Соборное уложение 1649 г., по мысли Роулэнда, отразило «светское направление, рассматривающее царство как механизм улучшения участи его подданных» (с. 353), а уже в Петровскую эпоху «государство превратилось из воображаемого возрождения древней израильской теократии в автономную светскую систему, в которой благополучие государства — его военные успехи, культурные и социальные реформы — стало целью политического действия» (с. 318). Несмотря на это, автор отмечает, что «классически образованные политические мыслители в России оставались ничтожным меньшинством вплоть до конца XVIII в.» (с. 353).

Роулэнд допускает ошибку, от которой сам предостерегал читателей: представление о классическом политическом мыслителе взято им из «политического языка», чужеродного реальной картине, даваемой источниками. Актеры политических дискуссий и сами политические дискуссии в России раннего Нового времени (а скорее всего, и XVIII в.) были просто другими, и автору в целом удалось это показать. Несомненное достоинство книги — постановка проблем и оригинальность их решения. Можно лишь пожалеть, что, насколько можно судить по отсутствию рецензий, книга осталась практически незамеченной. Хотя история политической культуры Московской Руси еще не написана, но концептуальное единство идей, которое Дэниелу Роулэнду удалось воссоздать, практически наверняка не будет противоречить подробной и детализированной картине, которую только предстоит увидеть. К счастью, историки успешно продолжают работу по вводу в научный оборот все новых источников¹⁵, интересуясь теми людьми, их мыслями, самосознанием и политическими интенциями, о которых Роулэнд во многом справедливо говорит как о *terra incognita*¹⁶.

15 См., например: *Ульяновский В.И.* «Священство» и «царство» в начале Смуты: Московские Патриархи, российские монастыри, духовенство Востока. М.; СПб., 2021; *Ерусалимский К.Ю.* На службе короля и Речи Посполитой. М.; СПб., 2018.

16 Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».